

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2023.2.1

Тайны «перестройки»

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья известного социального философа ректора Московского гуманитарного университета И. М. Ильинского представляет собой вариант текста главы в книге о «перестройке», над которой автор работает уже многие годы. Данный текст продолжает тему предыдущей статьи И. М. Ильинского, опубликованной в журнале «Знание. Понимание. Умение» (2023. №1). Автор развивает свою аргументацию относительно того, что, согласно представленным им фактам, «перестройка» была именно заговором высших лиц государства против советской общественной и политической системы. Опираясь на исследования советского государственного деятеля Н. И. Рыжкова, автор показывает, что реально «перестройка» началась еще в период правления Ю. А. Андропова (1983), однако радикальный характер она приняла во второй половине 1980-х гг. И, как обосновывается в статье, в своем радикальном варианте «перестройка» воплощала замысел вовсе не к улучшению социализма в СССР, но, напротив, была подчинена задачам разрушения советской «системы». При этом «прорабы» «перестройки» в лице Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе опирались в своих намерениях на многочисленный слой советской интеллигенции, при игнорировании реальной воли населения страны, которая была прежде всего выражена на референдуме 1990 г. В то же время, как показывает Ильинский, советский народ не мог выразить более сильного протеста против развала страны, поскольку люди были погружены в повседневные нужды, перегружены политической информацией, подавлены быстротой происходящих изменений и т. д. Однако при всех этих обстоятельствах, как показали социологические исследования, данные которых приводятся в статье, на самом деле население СССР на рубеже 1980–1990-х гг. предпочитало в большинстве своем социализм капитализму.

Ключевые слова: «перестройка»; социализм; капитализм; СССР; заговор; М. С. Горбачев; Э. А. Шеварднадзе; А. Н. Яковлев; Н. И. Рыжков; интеллигенция

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагая читателю журнала «Знание. Понимание. Умение» вторую главу своей книги «Немыслимое: “перестройка” как заговор», должен сделать некоторые оговорки.

Во-первых, следует сказать, что, как предыдущая, так и очередная публикации представляют собой именно **журнальный вариант** книги в том смысле, что их текст еще не окончательно отработан с точки зрения очередности глав, их объема и редакции.

Скажем, заглавная, уже опубликованная в первом номере журнала 2023 г. (Ильинский, 2023), в свете советов и замечаний читателей, ценимых мною, а также усиления ее убедительности, выросла в объеме, подверглась некоторой редакции.

Во-вторых, читателю даже старшего поколения, не говоря уж о молодом, на мой взгляд, крайне важно **знать и понимать**, в чем заключается трагичность происшедшего с СССР, тогда еще второй могучей супердержавой, само существование которой практически гарантировало на планете хоть и шаткий, но — мир, исключавший, по крайней мере, ядерную мировую войну, вероятность которой нарастает ныне на наших глазах...

ЧТО ТАКОЕ «ПЕРЕСТРОЙКА»?

*ЭТОГО НЕ ПОНИМАЛ ДАЖЕ ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. И. РЫЖКОВ*

Среди исповедальных мемуаров главных «перестройщиков» СССР есть три книги Николая Ивановича Рыжкова «Перестройка: история предательств» (Рыжков, 1992), «Десять лет великих потрясений» (Рыжков, 1995), «Главный свидетель» (Рыжков, 2009). Книги честные, откровенные, изданные по свежим следам и свежей памяти. Особая ценность этих книг в том, что они из числа самых первых печатных трудов на тему «перестройки», созданных одним из самых значительных персон того трагического периода истории Советского Союза — Председателем Совета министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС.

В этих книгах много очень важных фактов и цифр, честных, оригинальных и смелых мыслей и оценок, относящихся к «перестройке» в целом и тройке заговорщиков — Горбачеву, Яковлеву, Шеварднадзе. Но прежде всего — к сфере экономики.

Рыжкову можно верить. Ведь перед нами Экономист-практик с большой буквы, прошедший долгий, трудный и успешный путь от руководителя среднего звена до должностей главного инженера, директора Уралмашзавода — одного из гигантов советской промышленности, а затем первого заместителя Председателя Госплана СССР, курировавшего вопросы общей экономики и отделы, которые координировали и выработывали экономическую политику огромной страны; затем — секретарь ЦК КПСС по экономическим вопросам и, наконец, более четырех лет — Председатель Совета министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС в пору «перестройки». Не «завлаб», как Явлинский, не «кабинетный теоретик», как Гайдар и многие им подобные. Вот почему я буду обильно цитировать эти произведения.

Интрига, порождаемая книгой «Перестройка: история предательств», заключается в том, что **Рыжков категорично претендует на роль одного из инициаторов и соавторов «перестройки»**. Яковлев в этом смысле им даже не упоминается. И это естественно, поскольку начало исторических перемен в СССР, по его убеждению, относится не к апрелю 1985 г., как принято считать, а к концу 1982 г. Вот как описывает это Рыжков в своей книге.

«В начале декабря Андропов пригласил к себе меня и Горбачева. Горбачев в ту пору был уже членом Политбюро и одновременно секретарем ЦК по сельскому хозяйству (в этот момент **Н. И. Рыжков** работал секретарем ЦК КПСС по экономическим вопросам. — *И. И.*).

— Внимательно перечитайте материалы пленума (22 марта 1982 г. — *И. И.*), — сказал Андропов, — и точно определите круг проблем, по которым придется рабо-

тать. Проблемы на сегодня, на завтра, на перспективу. Привлекайте, кого сочтете нужным. И не теряйте времени, его у нас совсем нет. Михаил Сергеевич, не замыкайтесь только на сельском хозяйстве, поактивней подключайтесь к вопросам общей экономики. **И работайте вместе.**

Приказ получен: работать вместе. Приказы здесь обсуждению не подлежали. Так в декабре 82-го нас и свела судьба (с Горбачевым. — *И. И.*) в лице Юрия Андропова. Впереди лежал общий путь длиной в восемь лет» (Рыжков, 1992: 41; полу-жирным выделено здесь и далее мной. — *И. И.*).

В другой главе той же книги Рыжков снова возвращается к этой теме.

«Сегодня апрельский пленум (1985 г. — *И. И.*) называют **началом перестройки**. Я поправил бы: **официально декларированной** перестройки, ибо **начало** ей положил Андропов, конечно же, никак не обзывая свои первые **реформы**. И делались то они без шума и треска — чтоб, не дай бог, не спугнуть, не сглазить. Но вот что занятно. На самом пленуме (1985 г. — *И. И.*) и некоторое время потом сам Горбачев не слишком громко прибежал к этому ныне всемирно затверженному термину. В докладе он употребил его лишь в применении к **хозяйственному механизму**: мол, яснее стала концепция **его перестройки**. Позже, в мае, в выступлении перед активом Ленинградской партийной организации он высказался отчетливее: “Видимо, всем нам надо **перестраиваться**, всем... Всем надо осваивать новые подходы и понимать, что другого пути у нас нет”» (там же: 85).

И опять (с некоторым раздражением) в главе «На марше» той же книги Рыжков говорит: «Я уже спорил здесь с превратившимся в канон утверждением о том, что перестройка началась в апреле 85-го (тогда и слова такого не употреблялось), что Горбачев — “буревестник апрельской революции”. Повторяю, никакой **революции** в апреле 85-го не случилось, а что до перестройки, то началась она без шума и аплодисментов в 83-м, при Андропове, и лишь в январе 1987 года обрела, наконец, постулированную форму» (там же: 156).

«То, что мы последовательно, и не без успеха, творили именно с 1983 года, просто-напросто обрело официальное имя. Сегодня и я не возьмусь сказать, Горбачев ли сам или какой-нибудь безвестный журналист назвал наше дело перестройкой. Бог с ним, с авторством!» (там же: 85–86).

Завершая книгу, Рыжков подводит итог: «Невозможность вернуться к старому хозяйственному мышлению явилась закономерным следствием новой экономической политики, впрямую **связываемой с цепочкой Андропов — Горбачев — Рыжков**» (там же: 81). «Все, что я написал здесь, выношено и выстрадано мной не за время после моего ухода (после инфаркта в 1990 г. Горбачев отправил Рыжкова в отставку с поста Председателя Совета министров СССР. — *И. И.*), но за все годы перестройки. Я не копил обид и не выплескивал их на страницы книги. Я просто, как и обещал, безжалостно анализировал ошибки — свои и соратников, просчеты — свои и соратников, колебания — свои и соратников, а в итоге большие и малые **предательства** того, что было задумано в далеком 1983 году. Не только Андроповым — всей его командой, а в первую очередь — **Горбачевым и мной**.

Я прошел с Горбачевым почти весь его триумфальный и трагический путь, **не дойдя до финала лишь год**. Я стоял у самых истоков всех наших общих **экономических замыслов**, которые становились или не становились реальностью и которые потом неизбежно потащили за собой **преобразования политические**. Говорят сейчас, что их “автором” был Горбачев (а последние два-три года настойчиво

утверждается, что кроме “автора” у нас был еще и “архитектор перестройки”)» (там же: 363).

И все-таки по поводу термина «перестройка» Рыжкова, видимо, мучили серьезные сомнения. Зачем вводить новое понятие, если уже есть два общепризнанных? Если «перестройка» — это и не реформа, и не революция, тогда что она есть? И он в своей книге пишет: «Перестройка для меня — **синоним вовсе не революции, но прогресса, а прогресс** — процесс непрерывный, поступательный, шаг за шагом, всегда опирающийся на лучшее из уже достигнутого, на более прочное, на более — в данный конкретный момент — устойчивое. Вот почему и экономические **реформы** должны быть и, по моему мнению, идти **безостановочно**. Нет и не будет одной реформы, которая все решила бы раз и навсегда» (там же: 164).

«Я и мои тогдашние единомышленники хотели одного: **остановить сползание вниз**, зафиксировать всеми возможными в то время способами и двинуть экономику вперед. Постепенно, **как с больной** (а она и была больной) обращаясь, наращивать ей силы, прибавлять уверенности, скорости, размаха. **Пока не выздоровеет**. А когда выздоровеет, то в никакой рынок переходить не придется: он и так на дворе окажется» (там же: 171).

В январе 1987 г. на очередном пленуме ЦК КПСС с повесткой «О перестройке и кадровой политике КПСС» Горбачев **впервые** сформулировал **семь** в общем-то **безобидных для социализма** ее постулатов, сочиненных в его «мозговом центре».

Перечислив эти постулаты, он завершает: «Конечная цель перестройки, думается, ясна — **глубокое обновление** всех сторон жизни страны, **придание социализму самых современных форм общественной организации**, наиболее полное раскрытие гуманистического характера **нашего строя** во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном» (цит. по: там же: 158). (Обращаю внимание читателя: **в январе 87-го** сказано!) «То, что мы уже делаем, намеряем и предлагаем, должно **укрепить социализм**, устранить все, что стоит на пути **развития социализма** и тормозит его прогресс» (цит. по: там же: 171).

О том, что генеральный секретарь и **два посвященных в заговор** человека (Яковлев и Шеварднадзе. — *И. И.*), как они напишут потом в своих книгах, «лукавят», а сказать понятнее — врут, обманывают остальных членов ЦК КПСС, Политбюро, партию и весь советский народ, слушавший и читавший это вранье, никто и подумать не мог. Как скажет потом Яковлев: «**я говорил о совершенствовании социализма, а сам знал, к чему дело идет**» (Костюков, 2003: Электронный ресурс).

Не будучи «посвященным» в тайны Заговора, Рыжков присутствовал на заседаниях Политбюро, где обсуждались различные доклады, проекты постановлений и прочие вопросы, имел возможность слушать Яковлева, Шеварднадзе и самого Горбачева, наблюдать за их поведением и делать выводы.

Рыжков пишет: «Горбачев, конечно же, был порождением Системы, она его создала, выпестовала, сформировала... **Горбачев внутренне давно восстал против родной Системы**. Другой вопрос — **до каких пределов он был готов идти...**» (Рыжков, 1992: 361). И далее: «Те политические силы, которые развернули против правительства “необъявленную войну”, имеют далеко идущие цели. И эти цели прямо вытекают из **подмены сути начатых нами преобразований**» (там же: 7). «**Главная цель — нанести удар по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно**» (там же).

«11 ноября (1990 г. — *И. И.*) в кабинете Горбачева собрались сам хозяин, Рыжков, Ельцин, Силаев и Хасбулатов. Разговор снова пошел о том, как жить дальше. Куда идти стране? **Быть ли ей или исчезнуть?** Разговор этот **ничего не прибавил к моему пониманию ситуации**, но именно тогда я отчетливо и резко увидел, что **к власти прорывается сила, которая не остановится ни перед чем**, чтобы воплотить в жизнь классическую строчку партийного гимна: **“Разрушим до основания, а затем...”**»

Я тогда сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас вас заставят убрать правительство. Это лишь первая жертва в череде многих. Потом придет черед Верховного Совета, а потом и ваш черед. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время...» (там же: 339).

«Да и кому, как не мне, писать эту книгу! Кто, как не я, **лучше всех и ближе всех знает Горбачева** — не человека вообще, тут я в его друзья не набиваюсь, но человека-политика, человека власти! Знаю и, уверен, **почти понимаю** ход его мыслей, поступков, шагов — в государственном масштабе, естественно. Почему почти? Так разве может кто-нибудь утверждать, что знает человека полностью, любого человека, даже самого близкого?.. Так вот, кто как не я, обязан был написать книгу о перестройке, которая (перестройка, а не книга) в первую очередь вторгалась в экономику, книгу об экономике, а стало быть, и о политике? Я и написал...» (там же: 363).

Один из последних абзацев книги Рыжкова: «Я был вторым из тех двух “разных помощников” из ненаписанной сказки. Я мог и должен был быть твердым и негибачимым. Я понимал суть всех, мягко и привычно говоря, “отклонений от генеральной линии”, на которые шел склонный к компромиссам Горбачев, но не сумел выдержать характер. Не сумел противостоять. А ведь не один был — с командой единомышленников. С мощной командой, авторитетной до поры. Вот бы вместе да встать **против**. Не вышло» (там же: 376).

На мой взгляд, в своих книгах Н. И. Рыжков, не зная, как он писал, «что было в голове Горбачева», точно определил его изначальный замысел, но не решился произнести слово «Заговор», назвав свою книгу о происходившем на его глазах (и с его участием как Председателя Совета министров СССР и члена Политбюро ЦК КПСС) более мягко и неопределенно — «история предательства». Н. И. Рыжков был в числе «непосвященных» в заговор, понимал очень многое, но не все и не до конца.

Его коллеги по Политбюро, в частности Е. К. Лигачев, поначалу занимавший ведущую позицию в Политбюро после генсека, рьяно выступавший за «совершенствование социализма», так же как и Рыжков, были нужны Горбачеву до определенного момента — достижения «точки невозврата». Затем оба были лишены высоких полномочий и отодвинуты на третьи позиции.

Беда в том, что «все» (может быть, кроме Рыжкова. — *И. И.*), кто мог бы «встать против», только тешили себя надеждой, что они «понимали» «суть» «компромиссов» Горбачева, а на самом деле никакого **понятия не имели**, что и сами «политические силы», которые вели «необъявленную войну» с правительством, «наносили удар по государству», ускоренно уничтожали общественно-политический строй СССР. Не знали, что это делает руководитель партии, а потом еще и Президент СССР — глава государства. Что время ударов по объектам войны на уничтожение советского строя ему определяет (смягчим — «подсказывает») со-

гласно совместно разработанному Большому Сценарию «шептун у Генерального уха» — Яковлев.

Думаю, что Рыжков первым из «непосвященных» в Заговор членов Политбюро стал **подозревать** Горбачева в тайной игре, весьма последовательно и твердо гнул свою линию на разумное по темпам реформирование советской экономики, что приносило стране уже весьма заметные положительные результаты.

Но «постепеновцы» (эволюционеры) не нужны были Горбачеву и особенно радикал-либералу Яковлеву. Им дозарезу необходимы были р-революционеры. Именно поэтому «перестройка» с 1987 г. и стала называться «революцией», а точнее (среди «своих») — «революцией сверху», т. е. контрреволюцией.

Однако далеко не всем это нравилось, поскольку перестройку-«революцию» можно было признать и «контрреволюцией». Ибо, как пелось в одной из песен тех времен, «Нет у революции начала, нет у революции (1917 года! — *И. И.*) конца!» Тогда стали говорить, что «перестройка» — это «революция в революции». Абракадабра! Но народ проглотил и этот трюизм. Все «хотели как лучше» и — «поскорей»!..

Демагогический аргумент Горбачева «Время требует!» породил «скорострельную программу» Григория Явлинского «500 дней». Удивленный народ, ошеломленная партия загудели: «Разве можно перестроить экономику огромной страны за такой короткий срок?!» Правительство СССР во главе с Рыжковым, объявив эту программу совершенно нереальной, утверждало, что на серьезные преобразования потребуется шесть-восемь лет. А Горбачеву, его «кротам» и легальным «р-революционерам» программа «500 дней» поначалу нравилась.

Борьба умов длилась недолго. Для вящей убедительности к программе «500 дней» к «раскрученному» имени Явлинского добавилось еще имя академика Шаталина. Но и это не помогло. В конце концов на съезде Верховного Совета СССР при голосовании ее завалили.

Рыжкова и его команду, Е. К. Лигачева с его сторонниками «совершенствования социализма» окрестили замшелыми консерваторами.

С приговором: «**Ты не понимаешь важность момента**» Горбачев, как уже говорилось, отправил Рыжкова, еще не оправившегося от инфаркта, в отставку. Совет министров упразднили, создав вместо него Кабинет министров, непосредственно подчиненный Президенту СССР Горбачеву.

По этому поводу Рыжков в названной книге пишет: «Я действительно **ничего не понимал**» (Рыжков, 1992: 93). Какой момент? Почему именно он важен?..

«ПОЧЕМУ НАРОД НЕ ВЫШЕЛ?»

Многие из тех, кто пишет о «перестройке», не идут в своих выводах дальше того, что «перестройщики» (по крайней мере, Горбачев) якобы поначалу были полны благих намерений и иллюзий относительно своих способностей «усовершенствовать социализм», но не справились с этой задачей, мягко говоря, из-за несомасштабности их совокупного ума и воли объему и сложности задач, которые они (якобы) собирались решить. Да, они тоже именуют Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе предателями, но «предателями» как бы по нечаянности, а не по изначальному замыслу.

Дело в том, что эта «тройка» и не собиралась ничего «улучшать» и «совершенствовать». Они сделали то, что хотели сделать. И сделали. Ломать — не строить!.. И были они людьми не слишком умными, но и не глупыми, достаточно хитрыми,

чтобы сначала продумать, а потом пошагово осуществить процесс уничтожения ненавистной им Системы.

По той же самой причине и Ельцин, кое в чем поначалу серьезно мешавший им, в конце концов оказался «нужным в нужный час в нужном месте», а не послом в какой-нибудь африканской стране. И стал продолжателем «дела Горбачева — Яковлева — Шеварднадзе».

И Союзный договор развалился не по вине ГКЧП, а потому что заговорщики довели страну до состояния, когда Государственный комитет по чрезвычайному положению не мог не возникнуть, самим Горбачевым же и был придуман. И Ельцин уехал в Беловежскую Пущу через кабинет Горбачева, и тот знал, что произойдет в Вискулях... (см.: Полторанин, 2010).

... Чем больше я читал книг и статей о «перестройке» — «революции сверху», пытаюсь понять ее **изначальный замысел**, содержание, формы, методы и механизм реализации текущих задач ради достижения конечной цели, тем более убеждался в том, что ее история (как и мировая история вообще) — это, конечно же, цепь и сумма ошибок, случайностей, стихии и хаоса. **Но — и заговоров.** Заговоров, подобных тем, что были, в том числе, в великокняжеские, царские и советские времена. «Перестройка» как «революция сверху» представляется мне **прежде всего** заговором, которому, разумеется, сопутствовали разного рода иные стихийные процессы, а также естественный и сознательно создаваемый хаос.

Совсем по-иному думают о заговоре в принципе, тем более применительно к «перестройке» некоторые коллеги по научному «цеху». Например, академик РАН, директор Института социально-политических исследований РАН Г. В. Осипов, с которым я был знаком долгие годы, пишет: «А как понять внезапный приступ нелюбви самих россиян к своей стране — СССР, стране взрастившей, выпестовавшей их? Ведь как иначе объяснить поразительное равнодушие и попустительское, которыми подавляющее **большинство советских людей** встретило гибель СССР? Да и было ли это **массовое помутнение рассудка** в отношении к собственной стране **внезапным**? Разве мог бы пусть самый тщательно подготовленный, самый щедро профинансированный **заговор внешних сил** и внутренних советских диссидентов буквально в **считанные дни** до основания разрушить колосс СССР, если бы на защиту его решительно выступили **народные массы**? Ни в коей мере!» (цит. по: Сазонов, 2010: 7).

Шутите, Геннадий Васильевич!.. Или забыли об итогах проведенного 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума о сохранении СССР, в котором приняли участие 80% из внесенных в списки для голосования? **76,4% высказались за сохранение Союза.** Из 185,6 млн граждан СССР, имевших право голоса, в референдуме участвовали 148,5 млн человек. Из них 113,5 или 76,4%, **высказались за сохранение Союза ССР.** В соответствии с Законом о референдуме его решение **имело обязательную силу на всей территории СССР** и могло быть отменено или изменено только новым референдумом (см.: Рыжков, 2009: 205). В РСФСР приняли участие 75,4% и высказались за — 71%; на Украине — 83% и за — 70%; в Белоруссии — 83% и за — 83%; в Узбекистане — 95% и за — 93%; в Казахстане — 89% и за — 94%; в Азербайджане — 75% и за — 93%; в Киргизстане — 93% и за — 94%; в Таджикистане — 94% и за — 96%; в Туркменистане — 97,7% и за — 98%.

Власти Грузии, Литвы, Молдавии, Армении, Эстонии воспрепятствовали проведению референдума на территории своих республик (Кисельников, 2012: 24). А если

националисты этих стран не вмешались бы в этот процесс, результаты голосования были бы еще более впечатляющими, по крайней мере за счет населения Грузии, Молдавии и Армении. Или воля подавляющего большинства народа — не аргумент? **Считайте, что эти 113,5 млн человек, голосовавших за сохранение СССР, — это и есть те люди, которые «вышли на улицы».**

На тему «убойного» аргумента моего знакомого академика в пользу «саморазвала» СССР стоит немного порассуждать.

Первое. Не социально-экономические причины привели СССР к гибели, а главным образом интеллектуальное и идейно-духовное банкротство части советской интеллигенции, к которой относился и академик Г. В. Осипов. В среде «интеллектуалов» было немало крайне амбициозных личностей, отцы и матери которых, да и кое-кто из них самих еще недавно «щи лаптями хлебали». И вдруг советская власть вознесла их на высокие вершины государственной и политической власти, науки, образования и культуры, когда от одного взгляда «вниз» кружилась голова. Тут и возникал неожиданно страстный соблазн и нетерпеливое хотение сделать что-нибудь не так, как было и есть, а так, как лучше, как «у них», у тех — «за бугром»...

Я говорю о той части населения СССР, которая считалась «прослойкой» между двумя классами — рабочих и крестьян, об интеллигенции. В этой «прослойке» за годы советской власти выросло немало природой данных, прекрасной системой образования обученных и воспитанных истинно сущих талантов, да и гениев. На всю интеллигенцию, на эту малую «часть части» особенно была возложена миссия стать духовным носителем и хранителем новых — социалистических идеалов и ценностей и — что еще важнее — стать вождем еще далеко не до конца вызревшей новой нации «советский народ». Историю СССР творила именно эта масса людей. К победам и славе в годы строительства социализма и в военные годы народ мог прийти (и пришел!) под командованием выдающихся ученых, педагогов, писателей, поэтов, командиров и полководцев. В обыденной жизни, взятой в вековых пределах, как говорил немецкий поэт Гёте, «народ не стареет и не умнеет, народ остается всегда ребенком».

А тут, откуда ни возьмись, «перестройка!» С трибун съездов партии и пленумов ЦК устами нового, относительно молодого и речистого вождя обещается народу новый рывок к «светлому будущему». Кто же откажется от «лучшего», когда все не так «хорошо»?

Но привести в это незримое народом будущее могли только духовно зрячие вожди, в роли которых прорвались под № 1 — Горбачев, а под № 2 и 3 — соответственно Яковлев и Шеварднадзе.

Увы, умами и душами этой зловещей «тройки» владели совсем иные мысли, прямо противоположные идее «светлого будущего».

Народ же во все века и во всех странах, если говорить о нем в общей массе, в целом, не по-гётовски, а проще, весьма и весьма инертен, равнодушен к разного рода речам и призывам. Народ полагает: «"Они" знают что и как». Народ ждет повелений и руководства. Народ любит твердую волю и крепкую руку. Первое и главное, чего желает народ, — быть сытым, одетым и обутым, иметь крышу над головой. И — «чтобы не было войны».

Чтобы перевести общие слова на почву реальности, спросим: сколько тысяч человек в самую бурную пору «перестройки» ходили, скажем, в Москве на разные

собрания, митинги и демонстрации? Десятки тысяч. А в столице проживало в ту пору (только взрослого населения, без детей) более 8 млн человек.

В Научно-исследовательском центре при Высшей комсомольской школе, где я был директором, чуть не каждый день куда-то бегал **всего один человек** из 200 исследователей — мой так и не сумевший написать диссертацию аспирант Владимир Кириенко. Люди с нормальной психикой работали, а дома отсматривали происшедшее по телевизору.

Никто не задавался вопросом о том, как шла «перестройка» в провинциях, особенно в малых городах. А там в основном был штиль.

Второе. «Массовое помутнение рассудка в отношении к собственной стране» было, это правда. Но академику Осипову надо бы знать и понимать, что оно не было «внезапным». Уж 45 лет как шла холодная война, сердцевинной которой среди многих ее остальных направлений была война информационно-психологическая. Смысл и главная цель этой войны были как раз в том, чтобы «замутить» сознание советских граждан. И многим — замутили... Ниже скажу об этом подробнее...

Третье. Одной из главных задач заговора, особенно поначалу и далее — до «черты невозврата», было также дальнейшее «замутнение» мозгов. И тут интересы в манипуляции общественным сознанием внешних и внутренних сил по уничтожению СССР совпали полностью. Если бы изнутри СССР действовали только группы «интеллектуалов», диссидентов, конформистов и даже какие-то вооруженные банды (пятая колонна), со страной ничего бы страшного не произошло. Одни оказались бы за границей, как Солженицын, Зиновьев, Максимов, как Сахаров — в городе Горьком, а ему подобные — в других городах под приглядом КГБ.

Именно так происходило с большевиками при самодержавии. Одни эмигрировали в другие страны; других прятали за решетку. Третьих, самых ярых...

А народ своим «замутненным» сознаниемотреагировал бы на все это совершенно спокойно, а вероятней всего — аплодировал. Но — был заговор. И все эти силы, сами того не сознавая, помогали «перестройщикам», «заговорщикам», а те и пальцем их не трогали!.. Хотя цензура в 1960–1970-е гг. была совсем не сильная. Говорю это со знанием дела: как журналист, часто публиковавший статьи (острые!) во всесоюзных газетах, как главный редактор журнала с ежемесячным тиражом в миллион и более экземпляров.

Ну как мог не поверить народ своим «родным» СМИ? «Гласность»! Ее и вправду не хватало. А поверить в то, что «гласность» для того и была введена, чтобы «свои» лгали, обманывали, чернили и просто зачеркивали Прошлого, погнали жизнь СССР на глазах у «родного» ЦК КПСС и советского правительства?

Академику-социологу Осипову следовало бы знать, что еще в середине XX в. исследователи в области социологии, психологии и психиатрии пришли к выводу, что человеческое сознание имеет **четкие пределы осмысления** как в отношении количества наблюдаемых изменений, так и в отношении их природы. Ученые утверждали, что большинство людей ожидает шок, физический и психологический надлом, возникающий от перенапряжения той части человеческого мозга, которая отвечает за принятие ответственных решений.

Между тем в ходе «перестройки» события происходили **так быстро**, их было **так много**, и в большинстве они были **настолько сложны**, что обыкновенный человек (народ!) не успевал, не мог осмыслить тот объем информации, который сваливался на него ежедневно.

Тем более что общество (а значит, и отдельные его члены) были поставлены в ситуацию **идеологического, политического и экономического** выбора. Кроме работы человеку надо отдыхать, развлекаться. А на телеэкране с утра до вечера то Горбачев, то съезд народных депутатов, а потом еще и Ельцин. Так — год, второй... пятый... шестой...

Люди быстро устали физически и психологически. Им надоело делать выбор в быстромменяющихся обстоятельствах. Народом овладела апатия.

Даже способные на серьезные размышления люди ополоумели, им надоело ломать голову: «Кооперативы — это хорошо или плохо? Директоров заводов и начальников цехов лучше избирать или назначать, как это было всю жизнь? Статью шестую о праве парторганов контролировать деятельность администрации, которую не так давно ввели в Конституцию, надо убирать или оставить? Частную собственность вводить или не надо и как быть с общественной? Частная собственность — это же, как учили, основа эксплуататорского, капиталистического общества. А что же с социализмом — прощаемся?»

Никто ничего «сверху» прямо не говорил, все «лукавили». И даже первый — «главный прораб перестройки» Горбачев. Что думать? А еще масса других вопросов и проблем, которых «не понимали — не видели» доктора философских, исторических и прочих наук, члены ЦК и Политбюро.

В «перестройке» было множество моментов, когда никто ничего не понимал, потому что не имел малейшего понятия о ее главном (тайном) замысле. Чтобы понимать, надо прежде знать. Знание предшествует пониманию: чего не знаешь, то понять невозможно.

А еще в советском обществе, как и в любом ином, было немало конформистов, «пофигистов», «кабычегоневышлистов». И уже бродило по улицам городов первое поколение бомжей...

А тут еще откуда ни возьмись — безработица и пустые полки магазинов. И это под занавес «перестройки»... Чтобы не умереть с голоду, надо было летать по границам за товаром, а потом торговать на улицах. **Все смешалось в сознании людей, они отторгали политику, становились безразличными к происходящему, лежкоуправляемыми, без сопротивления подчинялись любым порядкам: человек в ситуации выживания.**

А академик Осипов спрашивает, почему народные массы не пошли решительно на защиту СССР. Депрессия! Сильнейший шок!.. Да и кто мог возглавить их, если бы они вдруг «решительно пошли»?.. По логике вещей, вроде бы Горбачев. Но его как раз вполне устраивало то, что народ хоть и орет: «Долой Горбатого!», но на улице особо не рвется...

Мало кто из ныне живущих помнит картину на телеэкране, где Ельцин сообщает только что вернувшемуся из Фороса Горбачеву о том, что он, Ельцин, запретил деятельность КПСС, а ее генсек стоит растерянный и мямлит что-то невнятное.

Тут стало ясно всем: нет, этот — не предводитель. А кровь проливать этот человек не хотел не потому, что был большим гуманистом, а потому, что вот тогда бы народ озверел и пошел!.. И тогда бы конец всему — и заговору, и самому Горбачеву.

«Теория заговора относительно развала СССР может быть применена лишь как сопутствующее дополнительное обстоятельство всего многообразного процесса разрушения. Без серьезных внутренних причин, без стремительно прогрессирующей

социально-политической болезни в организме советского государства-общества, приведшей к параличу воли миллионов советских граждан, разрушить СССР ни за что не удалось бы», — писал академик Г. В. Осипов (цит. по: Сазонов, 2010: 8).

С тем, что кризисные проблемы в СССР были, вполне согласен. Но при умелом руководстве страной, убежден, их можно было преодолеть. И они уже отчасти были преодолены, как писал об этом в одной из глав своей книги Н. И. Рыжков. Если бы — не заговор...

Однако в данном случае речь идет не о масонофобии или, наоборот, пристрастии к мировому «жидомасонскому заговору», речь не о «теории заговора», а о **реальном заговоре как историческом Факте**, в доказательстве которого используются тоже факты. И прежде всего взятые из публикаций самих заговорщиков.

Уничтожение СССР — в этом был главный замысел «перестройки». Без заговора уничтожить СССР не удалось бы ни за что!

«На мой взгляд, — пишет Г. В. Осипов, — одной из основных причин фактически проигранного в мировом глобальном противостоянии послевоенного периода является **удручающе низкий интеллектуальный уровень руководителей страны, начиная с Н. Хрущева**, теоретическая, идейная, деловая и пр. несостоятельность тех партийно-административных аппаратов в Центре и на местах, которые формировали эти горе-руководители. Смертельно боясь справедливого возмездия за кровавые репрессии на Украине, за бездарное политическое руководство фронтом в период Великой Отечественной войны, за ошибки и провалы в послевоенном восстановлении страны, Н. С. Хрущев с середины 50-х гг. фактически навязал советскому народу бесконечные “разоблачения” “сталинского режима”, пытаясь и, увы, безуспешно (!) свалить вину с себя на почившего в бозе Сталина, представить историю великой страны в искаженном, нарочито мрачном, однобоком виде. В результате объединившийся было в годину лихих военных испытаний в единый монолит, советский народ снова раскололся на “красных” и “белых”, на “сидельцев” и “вертухаев”, на “сталинистов” и “ленинцев”, на “державников” и “космополитов”, на “патриотов” и “диссидентов” и далее — по множеству и множеству позиций и направлений... Не тогда ли на этой пошедшей трещинами поверхности государства обозначился до поры до времени почти что незаметный разлом, который после долгих **деструктивных словоблудий перестройки** разрушил державную опору и стал причиной развала СССР?..» (цит. по: Сазонов, 2010: 8–9).

Тут я согласен с моим оппонентом почти во всем, но скажу о главном.

Да, это беда СССР, что после И. В. Сталина у страны не было равного ему руководителя, при всех претензиях к этой личности и некоторым методам его действий. Может быть, неплохо получилось бы у Ю. В. Андропова, но из 15 месяцев нахождения на посту генсека он всего 9 месяцев был в рабочем состоянии, а остальное время болел...

Многие заговоры, в основе которых лежат тайна, ложь и обман, сходят заговорщикам с рук лишь потому, что никто не берет на себя ответственность сказать: «Это заговор», не взваливает тем самым на свои плечи труд выудить из моря информации, содержащейся в архивах, разного рода документах, статьях и книгах, именно те разрозненные факты, которые укладываются в гипотезу исследования «заговор» и, будучи осмысленными в едином смысловом ключе, при системном подходе, доказывают: да, это несомненно заговор со всеми его признаками. Ей-богу, это очень тяжелая работа. Тем более когда цель и масштаб такого заговора, как

«перестройка», столь огромны. Они никак несоизмеримы с каким-нибудь дворцовым переворотом, вроде отстранения в 1964 г. Н. Хрущева от власти...

В народе, ни у кого из нас и в голове не было намека на мысль о том, что до уничтожения СССР после референдума оставалось немногим больше полугода.

Говорю это к тому, что поначалу народ принял ремонтно-строительное, лукавое слово «перестройка» с полным доверием: «низы» не хуже «верхов» знали о несовершенствах «развитого» социализма.

Как всегда, в трудную для Отечества пору каждый из нас был готов приложить весь свой ум, всю свою душу и все свои силы для его процветания. Но затем долгое время никак не могли понять, почему развитие экономики СССР не «ускоряется», а замедляется? И что это значит: «перестройка — это революция в революции»?

Что такое — «революция сверху»? Что это контрреволюция и быстро нарастающая скрытная и холодная гражданская война, в которой «низы» опять разделены на части, стравлены, скандалят и до крови дерутся друг с другом?

Это потом, в постперестроечный период станут говорить, что горстка интеллектуалов общим количеством, быть может, около двух-трех тысяч человек на весь СССР, представляли собой «субъект перестройки», сосредоточенный преимущественно в Москве, Ленинграде и еще десятке крупных городов. Этот «субъект» мыслил и действовал: сочинял различные документы, объяснявшие народу, что такое «перестройка», в чем ее цели и задачи; публиковал свои сочинения миллионными тиражами, выступал по телевидению и по радио, собирал митинги, произносил зажигательные речи.

А что ж — народ? Небольшой своей частью народ тоже кинулся на собрания и митинги, орал, голосовал. Но преимущественно — безмолвствовал, глушил самогонку (шла антиалкогольная компания. — *И. И.*), выплескивал свои недоумения, предположения, прогнозы, обиды и негодования в кухонных спорах, а с 1988 г. — и на забастовках...

А для «субъекта» «перестройка» была увлекательной работой, для народа — своего рода спектаклем, каждодневным театром по Центральному телевидению, отвлекавшим его внимание от Происходящего.

Народ работал, учился, учил, пахал, сеял, собирал урожай, нес армейскую службу. От него «субъект» ничего особого и не требовал: ни мыслить, ни «совершенствовать социализм». Кроме «одобряем-с!».

Для «субъекта» народ был «объектом», который подлежал «перестройке».

Хаос, беды и несчастья постперестроечной России ныне, видимо, так сильно режут глаза иным представителям бывшего «субъекта перестройки», что они, преодолевая стыд и страх, сквозь стиснутые зубы выдавливали из себя покаянные слова.

«Перестройщики» были слепыми, которые вели слепых»...

Вот один из «вождей» «перестройки», ныне уже покойный, Ю. Н. Афанасьев — сопредседатель (наряду с Б. Ельциным и Г. Поповым) Межрегиональной депутатской группы. С этим человеком я был давно и хорошо знаком.

Во время одной из телепередач Афанасьев признавался: «...Результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы на самом деле были слепые поводыри слепых» (цит. по: Ципко, 2008: 84).

А ведь на всех митингах той перестроечной поры Афанасьев в ряду Ельцина, Попова и Собчака был едва ли не главным «орателем». Межрегиональная группа

выдвигала Афанасьева и на пост генсека КПСС, и на должность Президента СССР вместо Горбачева. Фигура!

В тон Афанасьеву говорил и до сих пор вещает еще один из моих давних знакомцев по совместной работе в ЦК комсомола и соседнему дому на 2-й Новоостанкинской улице, радикальный либерал Александр Ципко.

Если свернуть до последнего предела 46 страниц покаянного текста статьи А. Ципко о причинах «трагедии и поражения перестройки» (там же), то они сводятся к двум равнозначным по смыслу синонимичным выражениям: «не понимал», («не понимали»), «не видел», («не видели»). Признания эти на страницах этой статьи встречаются десятки раз.

Либеральные демократы, как признается А. Ципко, «не понимали», «не видели» чрезвычайно многого и важного. **Не понимали** самого главного: что «не готовы к своей миссии не только профессионально, но и морально».

И даже Горбачев, по мнению Ципко, начиная «перестройку», **не понимал**, что, став на путь демократизации тоталитарной коммунистической системы, допускает те же ошибки, что и российские либералы 1917 г., добивавшиеся от Николая II отречения. Михаил Сергеевич повторил не только роковые **ошибки** Николая II, но и **ошибки** Временного правительства. Нельзя было отменять «самодержавие» КПСС, конституционное закрепление руководящей роли КПСС до завершения экономических реформ. Нельзя было руководителю государства объявлять войну партийно-хозяйственному аппарату, на котором держалась вся организация общественной жизни. И т. д. и т. п.

Горбачев и его окружение **не понимали**, — замечает Ципко, — что власть в России по природе сакральна, моноцентрична, что запуск революции сверху может привести не столько к демократии, сколько к распаду, анархии. Нельзя было делать ставку на либеральную интеллигенцию, политические аппетиты которой разгорались с каждым днем. Горбачев **не видел, не понимал**, что либеральная интеллигенция, которой он покровительствовал, живет разрушительными, пораженческими настроениями.

Ни русские либералы 1917 г., ни команда Горбачева **не видели**, что демократические реформы могут восприниматься народом просто как ослабление власти, как легализация вседозволенности. Русские либералы, добивавшиеся отречения Николая II, **не понимали**, что монархия была единственным организующим принципом, стержнем в России, что без нее все просто рассыплется.

Горбачев, дитя аппарата, тем не менее тоже **не понимал**, что вся общественная жизнь в коммунистической России держится на так называемой партийно-хозяйственной номенклатуре, что борьба с аппаратом равноценна борьбе с государством» (там же).

Реформаторы и 1917 г., и конца 80-х — начала 90-х **не отдавали себе отчета**, что бывает не просто хуже, а намного хуже.

Первые **не понимали**, что в России возможен деспотизм, превышающий многократно самодержавие самого деспотичного самодержца. Вторые, перестройщики, **не понимали**, что либерализация власти вместо экономического подъема может обернуться тотальной деградацией производства и общественной жизни. Либералы 1917 г. не видели, что и в народной толще, и в психологии большевистской интеллигенции сокрыто море невиданной жестокости. «Мы, перестройщики и реформаторы начала 90-х, не видели, что в советском сознательном человеке сокры-

та сокрушительная страсть к анархии, к вседозволенности. Выросший из советского человека и советского спортсмена криминал потопил в крови Россию начала 90-х. И эти кошмары очень напоминали кошмары, которыми наводняли города России уже летом 1917 года банды “черных кошек”.

И самое главное. И либералы 1917 года, рвавшиеся и пришедшие к власти в феврале, и либеральная советская интеллигенция переоценивали свою готовность к управлению страной. **Они не видели, не понимали, что те, которых они свергают, на самом деле являются профессионалами, что без них беда, катастрофа.**

В 1991 году реформаторы, как и в 1917-м, **не понимали**, что демократия в России в силу особых качеств нашей революционной интеллигенции, в силу ее непреодолимых пораженческих настроений, может использоваться не для созидания, а для разрушения, что с такого типа интеллигенцией, с такого типа элитой ни одну серьезную национальную задачу решить невозможно.

Было что-то нездоровое, холопское в заискивании Горбачева перед либеральной советской интеллигенцией, он **не понимал**, что, оттесняя от власти партийную номенклатуру, он отдает страну в руки людей, больных душой, разрушителей» (там же: 101–102).

Самое забавное состоит в том, что через 20 лет после окончания «перестройки» Ципко все еще понимал, **ЧТО** он, собственно говоря, не понимал, или трусил сказать о том, что понял: замысел «перестройки» именно в том и состоял, чтобы отдать страну «в руки людей, больных душой, разрушителей».

Жила среди массы населения, опять-таки прежде всего в крупных городах России и столицах 14 бывших союзных республик СССР, особенно Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, так называемая **пятая колонна**. Насколько велика по численности была эта «колонна», никто не знал и не знает. Известно, что значительная часть ее была «зачищена» до начала Великой Отечественной войны, а затем — в военный и послевоенный периоды.

Как показал «перестроечный» период, за годы холодной войны усилиями Запада, и прежде всего США, пятая колонна в СССР была возрождена. Этой категории участников «перестройки» не нужно было ничего знать и понимать: они ждали только одного — команды действовать.

Была в СССР категория людей, которые **должны были знать** о «перестройке» всё, поскольку без них она не могла совершиться, — это руководители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов республик, краев, областей, городов и районов, министерств, ведомств, многих тысяч промышленных предприятий, сельского хозяйства. «Верхи» отвечали за замысел, стратегию, тактику перестройки, решения и законы, «низы» — за их претворение в жизнь. Схема действий проста. Но именно «верхи» порождали сумятицу в головах обывателя. Что в «перестройке» главное? «Ускорение социально-экономического развития»? Правильно! «Гласность»? Отлично! «Больше социализма, больше демократии»? Превосходно! Перестройка — это реформы? Ясно. Реформа — это преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, учреждений и т. п.), не уничтожающее основ существующей социальной структуры, шаги к лучшему (Бовин, 1983: 580). Но — «перестройка — это революция»? Непонятно. Ведь революция — это переворот, глубокое качественное изменение в развитии какого-либо явления в обществе. Революция социальная — способ перехода от исторически изжившей себя социально-экономической формации к бо-

лее прогрессивной; коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества (Красин, 1983: 574).

Что — социализм уже изжил себя? Да нет, такого быть не может. Какой переворот? Ведь в решениях XXVII съезда партии, апрельского и других пленумов ЦК КПСС сказано: «совершенствуем социализм», «перемены только в пределах социализма». Что — идет игра этими философскими понятиями как синонимами? Но это абсурд.

Однако все, кто жил в «перестроечные» годы и мало-мальски философски образован, не мог не заметить этой игры. И все же мы относили ее не на счет злонамеренного умысла, а как желание творцов разного рода партийных речей, докладов и постановлений избежать тавтологии. И только. Ведь все перемены — к лучшему? Тогда какая разница, как их назвать...

Горбачеву верили.

Не заметить перемен было невозможно, они происходили, это понимали все думающие люди. Какова глубина, каковы темпы этих перемен? Что в жизни и развитии общества изменять, что отбросить как устаревшее? Что оставить как еще себя не изжившее?

Вопросы крайне сложные, требовавшие огромных знаний, опыта, ума, мудрости, которые даны не каждому. В таких вопросах народ привык полагаться на «верхи»: «им виднее».

Наивно полагать, будто обыватель, занятый заботами о хлебе насущном, въедливо читал градоподобный шквал всяческих решений съездов, конференций, пленумов, Политбюро, речей генсека и прочих «вождей». Уследить за переменами, а тем более понять их смысл простому человеку-работяге, колхознику, инженеру и прочим было невозможно.

Однако многие думали: коль перемены начались вчера, стало быть, уже сегодня, ну по крайней мере завтра должна повалиться манна небесная.

А были еще такие «в верхах», кто подыгрывал этим нетерпеливым массам: «Быстрее! Быстрее!» И не только ради роста своей популярности, как Ельцин, но и такие, как Александр Николаевич Яковлев... В общем-то небольшая группа отчаянно «демократической» интеллигенции из числа «субъекта перестройки». Общее имя им — «радикалы». Они требовали от Политбюро ЦК КПСС и Горбачева все более и более решительных действий в изменении существующих социальных и политических институтов, а по сути дела, как ясно теперь, — их разгрома, уничтожения. Эволюционные меры по «совершенствованию реального социализма», о которых поначалу говорилось, их не устраивали.

«Перестройка» ускорялась, набирала темпы, становилась все радикальней, но ее результаты начинали тревожить и ужасать: рушилась экономика, нарастали бедность, нищета, возмущение и гнев народа: «Куда завели страну? Что это — ошибки Горбачева и его команды? Или?..»

Зазвучали призывы об отставке Горбачева. Уже в 1988 г. появилась версия: **Горбачев сознательно вел дело к краху социализма...** (см.: Громыко, 1997: 104).

Советская система доказала, что такая огромная страна, как СССР (а теперь, на мой взгляд, и Россия), может успешно развиваться на основе **самодостаточности**, если ее политическая система не подвержена внутренней эрозии со стороны «агентов влияния», пятой колонны и предателей. В этом случае стране не страшны внешние воздействия даже в виде холодной войны.

Время показало преимущества социалистического строя перед капиталистическим. И это хорошо видно из социологических исследований, которые проводились еще в ходе «перестройки» и в последние годы новой истории.

Вот показательный пример.

В конце сентября 1990 г. Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции (Заславская, 1991).

В городах и селах 16 регионов страны были опрошены 1848 человек, достаточно точно репрезентирующих социально-демографическую структуру населения СССР. Приведу только несколько цифр.

Из 40–50% взрослого населения страны **52% ответили, что большевики должны были взять власть**; 39% — что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны; 45% — что революция открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию. Если бы эти люди жили в 1917 г., то 40–43%, скорее всего, поддержали бы большевиков (там же: 8).

28% респондентов считали, что захват власти большевиками не был исторически необходим; 32% сказали, что общество могло достигнуть выдвинутых большевиками целей без революции (там же: 9).

15–20% опрошенных не имели определенного мнения по большинству рассматриваемых вопросов (там же).

ВЦИОМ использовал также вопросы, прямо касающиеся сравнения социализма с капитализмом. Так, в **марте 1990 г.** респондентов спросили о том, каким они хотели бы видеть Советское государство в будущем. Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около **10%** (там же).

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?» **За «отказ от социализма и переход к капитализму» высказались 8%** (там же).

Наконец, сравнительно небольшая (8–9%), но убежденная социальная группа безоговорочно голосовала за капитализм со всеми его проблемами, противоречиями и достижениями.

Но что поразительно: **только 8% выступили за отказ от социализма, и всего-то 8–9% — за переход к капитализму** (там же: 10).

И к какому же окончательному и категорическому выводу приходит автор статьи «Социализм, перестройка и общественное мнение» Т. И. Заславская? Социалистический строй, СССР и населяющий его советский народ необходимо как можно скорее демонтировать, т. е. уничтожить. Не удивляйтесь — это не глупость, я был знаком с Т. И. Заславской. С давних времен она была застарелым антикоммунистом и антисоветчиком, но была назначена директором ВЦИОМ, — как и Яковлев, она «не хотела выдавать себя». А с началом «перестройки» стала **советником Горбачева**. Социология — «женщина» очень лукавая. В ней важны не столько цифры, сколько «мастерство» интерпретации. А это зависит и от заказчика исследования («Я хочу...»), и от способности интерпретатора к проституированию («Чего пожелаете...»). Статья Заславской вышла в **августе 1991 г.** До демонтажа СССР оставалось меньше четырех месяцев... Тут дело не в прихоти Горбачева с братьями, тут никакого субъективизма и волюнтаризма, «тут всё по науке, а против нее не поперешь...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

М. Полторанин, автор книги «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса» (Полторанин, 2010), вовсе не сторонник моего взгляда на «перестройку» как Заговор. Однако, рассуждая о причинах создания Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), говорит: «Похоже, создание ГКЧП и планировалось как верхушечная акция, как попытка нагнать на общество страхи. Была, не исключая, и задняя мысль у **кремлевского режиссера**: при благоприятном для него развитии событий придержать шаг Ельцина — слишком широко расшагался! И под шумок прикрыть несколько не управляемых общественных групп и ерепенистых изданий, кусавших кремлевскую власть» (там же: 177).

Далее он продолжает: «В штабе гэкачепистов у нас были влиятельные и надежные информаторы. Они сообщали: **игра** выходит из-под контроля Михаила Сергеевича. Некоторые путчисты, особенно с погонами на плечах, вошли в раж, у них зазуделось желание по-настоящему разобраться с дерьмократами, замочить их всех разом» (там же: 179).

Напомню читателю, что в своей книге «Декабрь-91. Моя позиция» Горбачев, отвечая на вопрос журналиста о тайне, которую генсек до сих пор не хотел раскрывать, ответил: «Я должен был их **переиграть**» (Горбачев, 1992).

Важно понимать, что «перестройка» для Горбачева, как и его тайных сообщников, являлась Большой Игрой, Большим Спектаклем, в котором было несколько Актов, больших и малых мизансцен, в которых постоянно присутствовали три главных героя, актеры и певцы второго, третьего и четвертого плана и — Толпа. То есть — Народ. Но только Горбачев исполнял первейшую из главных ролей — роль переустройщика всего мира путем уничтожения существующего образа жизни в своей стране...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бовин, А. Е. (1983) Реформа // *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. Ф. Ильичев и др. М. : Сов. Энциклопедия. 839 с.
- Горбачев, М. С. (1992) *Декабрь-91. Моя позиция*. М. : Новости. 224 с.
- Громыко, А. А. (1997) *В лабиринтах Кремля : Воспоминания и размышления сына*. М. : Автор. 254, [1] с., [8] л. ил. : портр.
- Заславская, Т. И. (1991) *Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования*. № 8. С. 3–21.
- Ильинский, И. М. (2023) *Немыслимое: «перестройка» как заговор // Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 5–38. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.1
- Кисельников, А. А. (2012) *Новейшая история России, 1985–2011: записки современника*. Новосибирск : Историческое наследие Сибири. 270, [1] с. : ил., табл.
- Костюков, А. (2003) «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет» [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2 декабря. URL: https://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html (дата обращения: 01.06.2023).
- Красин, Ю. Л. (1983) *Революция // Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. А. Ф. Ильичев и др. М. : Сов. Энциклопедия. 839 с.
- Полторанин, М. Н. (2010) *Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса*. М. : Эксмо: Алгоритм. 512 с.
- Рыжков, Н. И. (1992) *Перестройка: история предательств*. М. : Новости. 397, [2] с., [16] л. ил.
- Рыжков, Н. И. (1995) *Десять лет великих потрясений*. М. : Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие». 574, [2] с., [24] л. ил., портр.
- Рыжков, Н. И. (2009) *Главный свидетель*. М. : Эксмо : Алгоритм. 237, [2] с., [8] л. ил., портр.

Саонов, А. А. (2010) Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. М. : ИСПИ РАН. 561, [2] с.

Ципко, А. (2008) Драма перестройки: кризис национального сознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние : научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. М. : Ин-т экономических стратегий. 439 с. С. 84–118.

Дата поступления: 02.06.2023 г.

SECRETS OF “PERESTROIKA”
I. M. ILINSKY
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper by prominent social philosopher, rector of Moscow University for the Humanities I. M. Ilinsky presents a variant of the text of a chapter in the book about “perestroika”, on which the author has been working for many years. This text continues the subject of the previous paper by I. M. Ilinsky published in the journal “Znanie. Ponimanie. Umenie” (2023, No. 1). The author expands on his argumentation that, according to the submitted facts, “perestroika” was nothing but a conspiracy of senior government officials against Soviet social and political system. Drawing upon the research of Soviet statesman N. I. Ryzhkov, the author demonstrates that “perestroika” actually began during the period of Yu. A. Andropov (1983); however, it took on a radical nature in the second half of the 1980s. And, as the paper substantiates, in its radical nature, “perestroika” embodied the plan not to improve socialism in the USSR but, on the contrary, was devoted to destroying the Soviet “system”. At the same time, the “foremen” of “perestroika” represented by Gorbachev, Yakovlev, and Shevardnadze based their intentions on the large stratum of Soviet intelligentsia, ignoring the real will of the country’s population, which was first expressed in the 1990 referendum. In the meanwhile, as Ilinsky shows, Soviet people could not express a more powerful protest against the country’s collapse since they were busy with everyday needs, overloaded with political information, suppressed by the quickness of ongoing changes.

As the results of sociological surveys demonstrate in the article, in spite of all those circumstances the USSR population at the turn of the 1990s generally preferred socialism to capitalism.

Keywords: “perestroika”; socialism; capitalism; USSR; conspiracy; M. S. Gorbachev; E. A. Shevardnadze; A. N. Yakovlev; N. I. Ryzhkov; intelligentsia

REFERENCES

- Bovin, A. E. (1983) Reforma. In: *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* / ed. by L. F. Il'ichev et al. Moscow, The Soviet Encyclopedia. 839 p. (In Russ.).
- Gorbachev, M. C. (1992) *Dekabr' -91. Moia pozitsiia*. Moscow, Novosti. 224 p. (In Russ.).
- Gromyko, A. A. (1997) *V labirintakh Kremliia : Vospominaniia i razmysbleniia syna*. Moscow, Avtor. 254, [1] p., [8] l. il. : portr. (In Russ.).
- Zaslavskaiia, T. I. (1991) *Sotsializm, perestroika i obschestvennoe mnenie. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 3–21. (In Russ.).
- Il'inskii, I. M. (2023) Nemyслимое: «perestroika» kak zagovor. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 5–38. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.1 (In Russ.).
- Kisel'nikov, A. A. (2012) *Noveishaia istoriia Rossii, 1985–2011: zapiski sovremennika*. Novosibirsk, Historical heritage of Siberia. 270, [1] p. : il., tabl. (In Russ.).
- Kostiukov, A. (2003) «Ja govoril pro obnovlenie sotsializma, a sam znal, k chemu delo idet». *Nezavisimaia gazeta*. December, 2 [online] Available at: https://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html (accessed: 01.06.2023). (In Russ.).
- Krasin, Iu. L. (1983) Revoliutsiia. In: *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* / ed. by L. F. Il'ichev et al. Moscow, The Soviet Encyclopedia. 839 p. (In Russ.).
- Poltoranin, M. N. (2010) *Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsaria Borisa*. Moscow, Eksmo: Algoritm. 512 p. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (1992) *Perestroika: istoriia predatei' stv.* Moscow, Novosti. 397, [2] p., [16] l. il. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (1995) *Desiat' let velikikh potriasenii.* Moscow, Assots. "Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie". 574, [2] p., [24] l. il., portr. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (2009) *Glavnyi svidetel'.* Moscow, Eksmo : Algoritm. 237, [2] p., [8] l. il., portr. (In Russ.).

Sazonov, A. A. (2010) *Kto i kak unichtozhal SSSR? Arkhivnye dokumenty.* Moscow, RAS Institute of Socio-Political Studies. 561, [2] p. (In Russ.).

Tsipko, A. (2008) Drama perestroiki: krizis natsional'nogo soznaniia. In: *Ekonomika i obshchestvennaia sreda: neosoznannoe vzaimovliianie : nauchnye zapiski i ocherki* / ed. by O. T. Bogomolov. Moscow, Institute of Economic Strategies. 439 p. Pp. 84–118. (In Russ.).

Submission date: 02.06.2023.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru